

Я оставил мечты о карьере музыканта и стал миссионером

Серго Наморадзе с 1998 года является служителем Адвентистской церкви в Грузии. Он со своим товарищем стал одним из первых грузиноязычных пасторов в своей стране. Всю жизнь он мечтал стать знаменитым музыкантом, но Бог повел его в другом направлении.

Откуда вы родом, и в какой семье выросли?

Родился и вырос в Тбилиси, Грузия, в семье коренных тбилисцев в пятом поколении. В отличие от других детей, которые после каникул рассказывали, как замечательно они провели время в деревне, я никогда там не был. Впервые я попал в деревню уже будучи миссионером.

Каким было ваше детство?

Я родился в семье музыкантов. Для ребенка это своего рода предопределение в том, что он тоже будет связан с музыкой. Все мое детство и юность я провел в музыкальной школе, кружках и концертах. Отец всю жизнь работал скрипачом в оперном оркестре, а мать – учителем по фортепиано.

Музыка стала жизнью для всей нашей семьи. Помимо обычной школы, я окончил музыкальную школу, потом музыкальный колледж, и даже поступил в консерваторию. Но я стал адвентистом и я оставил консерваторию, потому что почувствовал призвание Божье служить в церкви.

Вы оставили перспективное будущее музыканта и решили стать служителем в церкви?

Да, но это один из самых болезненных и переломных моментов в моей жизни. Вся моя внутренность горела идеей стать музыкантом, и вначале я отказался от приглашения служителя. На

тот момент мы с семьей всего два года посещали церковь. Мы крестились как раз в то время, когда я шёл в консерваторию.

Однажды вечером руководитель всемирной Церкви адвентистов седьмого дня Тэд Вильсон, когда находился в Грузии, спрашивал местного служителя о перспективах развития Церкви в Грузии. В то время в Тбилиси была одна адвентистская община и маленькие домашние церкви в западной части страны. Служение проводили на русском языке и переводили на грузинский. И тогда Тэд Вильсон спросил, почему нет грузинских служителей. Не услышав удовлетворяющего ответа, он спросил, есть ли в общине молодые ребята, которые стали бы семинаристами, а потом служителями-миссионерами?

Указали на меня. Со мной пообщались и спросили: хотел бы я учиться? Я ответил, что хочу, но после того, как мне объяснили, что нужно будет поменять профессию, я сразу отказался и сказал: «Нет, я еду в консерваторию». На это мне ответили: «Хорошо, мы принимаем твой отказ. Мы завтра уезжаем, поэтому приди, пожалуйста, с утра и дай нам свой окончательный ответ».

И вот в ночь с субботы на воскресенье произошло то, что Библия называет призывом. Я не мог понять, что со мной происходит. Мне сложно описать, но это выражалось в каком-то особенном, неземном внутреннем беспокойстве, которое я никогда ни до, ни после не испытывал. Я ни на секунду не мог уснуть. У меня в голове звучали слова, и они звучали очень навязчиво, я не мог от этого избавиться: «Иона, Иона, Иона». Я ещё не очень хорошо знал Библию и не знал о Ионе. Я думал, что такое Иона, что за Иона...

Я не мог найти покоя и начал молиться. А потом решил, дай но почитаю. В Библии открылась книга Ионы, и тогда я понял, кто этот Иона. Начал читать и прочёл ее полностью. А потом понял, что этот Иона это я. Тогда понял, что должен согласиться стать служителем, хотя сердцем этого не хотел. Когда дал согласие – всё поменялось.

И вы поступили в семинарию?

Я проучился в Заокской духовной академии на очном отделении с 1994 по 1998 год.

Потом вас пригласили на служение?

Да, потом я и мой друг стали первыми грузиноязычными служителями. Вернее, мы стали ими ещё при поступлении в Заокский, потому что из Грузии больше никого не было. Также согласно тогдашнего рабочего курса, студент который учится в семинарии, уже является служителем. Поэтому я имею честь быть одним из первых грузинских служителей.

Что было самым сложным во время вашего служения?

Закончил Заокский в 1998 год. Этот год припал на время разрухи и хаоса, который связанный с многими политическими и экономическими сложностями. Меня направили в Восточную Грузию в районный центр, город Ахмета, в город, где не было адвентистов. Этот район постоянно упоминали в новостях. Я вспоминаю этот период служения, как один из самых сложных, но в то же время самых благословенных в жизни. Благодаря Божьей помощи там сегодня существует адвентистская церковь, но к сожалению в последнее время там нет основного служителя. Но Бог позаботится об этом.

Как ваша жена и дети относятся к вашему призванию?

Чтобы моя жена относилась хорошо, я сначала её крестил. Прежде, чем она стала моей женой, я её нашел, обучил, крестил, сделал ученицей и женился. И чтобы избежать сложностей, в целях страховки, я крестил ещё и свою тещу. Все сложности, связанные со служением не я один переносил, я бы даже сказал, я один бы их не перенёс. Я совершаю служение благодаря поддержки супруги, семьи, друзей и родственников.

Какая сегодня адвентистская церковь в Грузии?

Адвентистская церковь в Грузии очень необычная. Она существует

уже 110 лет. Но при этом количество и ее сила в разы уступают адвентистской церкви в Украине. У нас всего около 350 членов церкви по всей стране. Мы очень надеемся, что развитие церкви будет более бурным, поскольку в таком количестве очень сложно существовать в 21-м веке.

С какими трудностями сталкивается церковь в Грузии?

На протяжении истории, церковь сталкивалась с различными трудностями. Есть документы, подтверждающие, что церковь очень жестоко гнали, три раза ее полностью истребляли. По этому, хоть адвентистская церковь в Грузии существует уже 110 лет, она начала с нуля в 1977 году. В современной истории вплоть до 2004 года, даже в постсоветское время, церковь продолжала быть гонимой, и гонима уже не столько государственными структурами, как доминирующей религией. Формы гонения отличались от того, как это делала коммунистическая советская власть, но гонения были достаточно неприятными, мягко говоря. Но после Революции роз, церковь получила совершенно другой, достойный статус, и гонения прекратились. С тех пор она может развиваться дальше. Однако от того, что существует культурная дистанция между адвентистской церковью и грузинской культурой, положение остается непростым. Самый большой вызов, который стоит перед церковью – это рост.

Почему вы выбрали для изучения именно миссиологию?

Эта сфера меня интересовала с момента, как только начал служить в церкви. Я еще не знал, что она называется “миссиология”. Я просто задался одним вопросом: Почему, мы в Грузии не растём так, как хотелось бы? Этот вопрос мучал меня настолько, что когда я учился, то понял, что могу написать что-то по этому поводу, а не только читать. И вот я решил, что свою диссертацию я посвящу вопросу «Что не так?», если по-простому, а так тема называется «Теория роста церкви и миссионерский опыт в Грузии». В этой работе я исследовал вопрос, почему мы в Грузии растём так, как растём, такими темпами, что препятствует и что способствует.

Поделитесь одним из ваших интересных опытов?

Я приступил к служению в 1998 году как начинающий миссионер. Моя церковь состояла из меня и ещё одного члена церкви: украинской бабушки Марии Михайловны. Вот представь, ты приехал в совершенно незнакомый город, команды у тебя нет, никаких инструментов у тебя нет. Ты один. После молитв, я решил пройтись и познакомиться с другими деноминациями.

Обнаружил, что в этом городе есть небольшая группа баптистов. К ним проповедник приезжал только по пятницам. Он собирал их в частном доме и читал проповеди. В одну из пятниц я пришел к ним на служение познакомиться. Потом пришел в следующую пятницу, и оказалось, что проповедник не смог приехать по какой-то причине. И люди сидят, ждут, и ко мне обратились: «Давай может ты скажешь пару духовных слов, человек не может приехать».

Я встал и сказал небольшую проповедь. После встречи ко мне подошла одна из женщин, сидевших на служении, мы вместе шли по дороге домой. Она поинтересовалась кто я. Рассказал, что я служитель адвентистов, и в следующую субботу она пришла ко мне на служение. Она рассказала свой опыт. У неё был внук, тяжело больной, практически при смерти. И в один прекрасный день, когда она в очередной раз приехала в Тбилиси в больницу вместе со своим внуком на лечение, она осталась там ночевать. Ночью она увидела какое-то сияние в окне больницы. Она встала, не понимая сон это или явь.

Она увидела какое-то сияющее существо, которое спросило у неё: «Что ты хочешь? Чего бы ты у меня просила?». Она ответила: «Я бы просила здоровья своему внуку. Пожалуйста, поставь его на ноги». Это существо обратилось к ней и сказало: «А что ты дашь мне взамен?». И она ответила «Я принесу тебе в жертву овцу». А он ответил: «Мне не нужны эти жертвы, мне нужно твоё сердце». На тот момент она не поняла, что имеется в виду.

Она подумала, что нужно действительно вырвать из себя сердце,

и спросила: «А куда мне прийти?». И вдруг она увидела, что находится в комнате, где люди сидят по периметру, и кто-то стоит с книгой и проповедует. Она посмотрела, и поняла, что никого из этой комнаты не знает. И эта картина исчезла. Когда всё это закончилось, и она пришла в себя, она стояла на коленях возле этого окна, хотя до этого она лежала в кровати и спала. И вот прошло какое-то время, её кто-то пригласил к баптистам. Она стала ходить, и она посчитала, что наверное это и есть то место, куда Бог её позвал. А потом в тот день, когда меня попросили проповедовать, она узнала, что я был в ее сне. При том, она не сразу поняла, откуда она меня знает. А когда я пригласил её к нам, где мы собирались с Марией Михайловной, то она зашла и ахнула. Она узнала комнату, интерьер, картинку – всё из её сна.

Какие вы видите перспективы миссии на постсоветском пространстве?

На постсоветском пространстве, когда двери открылись и был бум церковного роста складывалось ощущение, что так будет всегда. Но мы видим, что рост закончился приблизительно через 10 лет, после открытия дверей. Можно говорить о перспективах только в тех случаях, когда церковь, служители, члены церкви и все активные участники дела Божьего на нашей территории переосмысляют миссионерский подход.

Под переосмыслением имеется в виду суть миссии и методы евангелизации. Возможно путем экспериментов, опыта других стран, информации в литературе и путём исследования будет разработана, хотя бы более или менее адекватная стратегия. Стратегия, которая будет откликом на те вызовы, которые у сегодняшней церкви есть. Мы не можем жить вчерашним днём, мы не можем жить вчерашними методами, подходами, влиянием. Мир меняется. Если наш миссионерский подход не будет адекватным к этим изменениям, то мы станем архаичным миссионерским обществом, а мы хотим быть современной церковью, которая готовится и готовит мир к приходу Иисуса Христа.

Ваши пожелания для церкви в Украине?

Это не пожелание, а больше моя надежда. Адвентистская церковь в Украине – это колоссальный банк человеческих ресурсов, исторического опыта, который может изменить положение на постсоветском пространстве. Другими словами, если церковь отпустит вожжи и даст себе развиваться, она разовьётся не только в Украине, но станет оплотом надежды в других постсоветских странах, в том числе и для Грузии. Если Украина раскроет крылья, то этих крыльев хватит на всех. Я смотрю на Украину именно с такой перспективой.

Вопросы – Владимир Шевчук